

УДК 82.94

ЭСКИЗЫ К ЛИТЕРАТУРНЫМ ПОРТРЕТАМ В СТРУКТУРЕ ДНЕВНИКА К. И. ЧУКОВСКОГО

© Айсулу Кубайдулова

SKETCHES TO LITERARY PORTRAITS IN THE STRUCTURE OF CHUKOVSKY'S DIARY

Aysulu Kubaydulova

The article deals with the relationship of memoir-fiction book "Contemporaries. Portraits and Sketches" by Chukovsky with the writer's diary. Chukovsky's diary, which he kept for 69 years (from 1901 to 1969), is a unique historical and literary document. It both covers all the events that happened in Russia in the early 20th century and contains sketches to the literary portraits of his colleagues and friends. These sketches served as a basis for most of his portrait essays included in "Contemporaries".

The article suggests distinguish between the three types of portraits-essays in "Contemporaries", depending on their references to Chukovsky's diary. The article analyzes and describes these types based on the literary portraits of Gorky, Blok and Mayakovsky. The literary portrait of Gorky is based completely on diary entries. The author uses both his diary and critical reviews to create Blok's portrait-essay. The portrait-essay of Mayakovsky is the product of the writer's memory, created without any references to the diary.

Keywords: diary, K. I. Chukovsky, memoir-fiction book, literary portrait, M. Gorky A. Blok, V. Mayakovsky.

Настоящая статья рассматривает связь мемуарно-художественной книги К. И. Чуковского «Современники. Портреты и этюды» с дневником писателя. Дневник К. Чуковского, который он вел 69 лет (с 1901 г. по 1969 г.), представляет собой уникальный историко-литературный документ, где не только отражены все события, выпавшие на долю России в первой половине XX века, но и содержатся наброски к литературным портретам коллег и товарищей писателя. Эти эскизы послужили фундаментом для создания большей части портретных очерков, которые вошли в книгу «Современники».

В статье было предложено различать в «Современниках» три типа портретов-очерков по тому, как они соотносятся с дневником К. И. Чуковского. Эти типы подробно рассматриваются и описываются на примере литературных портретов М. Горького, А. Блока и В. Маяковского. Литературный портрет М. Горького полностью опирается на дневниковые записи. В основе портретного очерка о А. Блоке лежит не только дневник, но и критические работы К. Чуковского. А портрет-очерк о В. Маяковском является продуктом памяти литератора, созданным без обращения к дневниковым записям.

Ключевые слова: дневник, К. И. Чуковский, мемуарно-художественное произведение, литературный портрет, М. Горький, А. Блок, В. Маяковский.

В 1962 г. К. И. Чуковский в серии «Жизнь замечательных людей» выпустил мемуарно-художественную книгу «Современники. Портреты и этюды», где представил широкой общест-венности литературные портреты М. Горького, А. Блока, В. Маяковского, Л. Андреева, А. Ахматовой и др. Создавая портреты современников, К. Чуковский опирался на свой архив: рукописный альманах «Чукоккала», письма, но прежде всего – дневник. Следует заметить, что сам дневник содержит множество портретных зарисовок. В предисловии к изданию дневника В. Ка-

верин замечает: «Легко сказать об этой книге как о портретной галерее» [Чуковский, 2011, т. 1, с. 8]. Действительно, К. Чуковский, будучи человеком, активно включенным в творческий процесс современной ему литературной эпохи, оказался связан дружескими узами со многими деятелями искусства, что нашло отражение в дневнике, который писатель вел всю свою сознательную жизнь.

В. С. Барахов в монографии «Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр)» отмечает, что «в той или иной степени литературному портре-

ту всегда свойственны незавершенность, эскизность и фрагментарность» [Барахов, с. 57]. М. Г. Уртминцева, в свою очередь, подчеркивает, что писатели сами были склонны осознавать фрагментарность своих портретных очерков: «Реми де Гурмон создал в конце XIX столетия „Книгу масок“, „силуэтов“ – эскизов портретных характеристик французских писателей. По поводу своих этюдов Реми де Гурмон заметил: „Мы хотели лишь бросить известный намек, движением руки указать дорогу“» [Уртминцева, с. 55]. Заметим, что К. Чуковский подчеркивает «эскизность» в подзаголовке: «Портреты и этюды¹». Однако фрагментарность очерков обусловлена в данном случае, помимо жанровых особенностей, тем фактом, что разрозненные наброски и эскизы из дневника К. И. Чуковского, где записи об одном и том же человеке могли разделять несколько десятков лет, послужили основой для ряда литературных портретов из «Современников».

Таким образом, интересно проследить связь «Современников» К. И. Чуковского с его дневником. На наш взгляд, можно говорить о трех типах отношений мемуарно-художественной книги к дневнику писателя. К первому типу относятся литературные портреты, при создании которых основным плацдармом служили дневниковые записи. Ко второму типу относятся портретные очерки, при написании которых К. Чуковский обращался в равной степени как к дневнику, так и к своим критическим работам. К третьему типу относятся литературные портреты, созданные без обращения к дневниковым записям.

К первому типу относится литературный портрет Максима Горького. М. Горький с самых первых записей появляется на страницах дневника юного Николая Корнейчукова, который размышляет в своих заметках над прочитанными произведениями. Непосредственное знакомство К. Чуковского с М. Горьким состоялось гораздо позднее – в 1916 году, во время поездки из Петрограда в Куоккалу к И. Е. Репину в «Пенаты». Основной массив дневниковых записей, который ляжет в основу литературного портрета, относится к периоду совместной работы во «Всемирной литературе». Сотрудничество писателей выпало на тяжелое для страны, раздираемой Гражданской войной, время. Сам К. И. Чуковский в «Современниках» так вспоминает эти годы: «И нужно прямо сказать, что, если мы пережили те

бесхлебные, тифозные годы, этим мы в значительной мере обязаны нашему „родству“ с Максимом Горьким...» [Чуковский, 2012, с. 41–42]. Действительно, «Всемирная литература», издательство, в грандиозных планах которого был выпуск всех наиболее значительных произведений мировой художественной литературы, оказалась очень своевременным проектом не только для растущего числа читателей, но и для литераторов, многим из которых эта работа помогла хоть как-то продержаться в голодные годы Гражданской войны. Это подтверждают и другие члены редакционной коллегии. У О. Мандельштама в статье «Жак родился и умер» мы находим: «Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву башню. И безработным семнадцатого века, верно, кстати, пришлось государев паек и медная гривна. „Всемирная литература“ – Сухарева башня интеллигентов девятнадцатого года...» [Мандельштам, с. 58].

В портретном очерке К. Чуковский вспоминает М. Горького как обладающего исключительными энциклопедическими знаниями человека, который не только был постоянно вовлечен в какую бы то ни было работу, но и подходил к любому делу с чрезвычайной основательностью. Все эти наблюдения были сделаны и отражены на страницах дневника именно в период сотрудничества с М. Горьким в издательстве. Так, после очередного заседания редакционной коллегии К. Чуковский записывает в дневник:

Опять он (М. Горький – А. К.) поражал меня doskonaльным знанием отечественной словесности. Когда зашла речь о Вельтмане, он сказал: а вы читали Софью Вельтман, жену романиста? Замечательный роман в «Отечественных Записках» – с огромным знанием эпохи – в 50-х гг. издан² [Чуковский, 2011, т. 1, с. 276–277].

На этом запись прерывается и спустя много лет, перенесенная со страниц дневника в портретный очерк, находит свое продолжение:

Оказалось, что никто из нас романа не читал. На следующий день Горький принес эту книгу и подарил мне: – Стоящая книга. Солидная. Привлечен большой исторический материал... [Чуковский, 2012, с. 56].

Подобных ситуаций, когда М. Горький поражал окружающих глубиной своих знаний, в

¹ Этюд – произведение, представляющее собой первоначальный набросок, эскиз, который может служить частью какого-нибудь композиционного целого [Ушаков, с. 790].

² Комментарий Е. Ц. Чуковской: «Горький имеет в виду исторический роман Елены (а не Софьи, как у К. И.) Вельтман „Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой“. Роман был опубликован в 1867 г. в „Отечественных записках“» [Чуковский, 2011, т. 1, с. 540].

дневнике описано много. К. Чуковский не воспроизводит в очерке все эти заметки, но, обобщая, отмечает:

У большинства самоучек знания поневоле ключевые. Сила же Горького заключалась именно в том, что все его литературные сведения были приведены им в систему. Никаких случайных, разрозненных мнений его ум вообще не выносил, он всегда стремился к классификации фактов, к распределению их по разрядам и рубрикам [Там же].

Описывая деятельность редакционной коллегии «Всемирной литературы», К. Чуковский отмечает, что М. Горький никогда не чурался «черной» работы. Будь то составление каталога для издательства или вычитывание очередного перевода – все выполнялось тщательно, с множеством пометок и комментариев. Даже в дни, когда М. Горькому нездоровилось, он не только ежедневно отвечал на корреспонденцию, но и пытался оставаться включенным во все дела «Всемирной литературы» и членов редакционной коллегии. Несколько записок писателя, относящихся к тому времени, К. Чуковский, бережно сохранив и вклеив в свой дневник, также переносит в портретный очерк:

К. И.! Я не смогу прийти сегодня – ненормальная температура и кровь. В переводе Диккенса не усмотрел заметных разночтений между Введенским – Чуковским; – Ваша работа очень тщательна. Вот все, что могу сказать по этому поводу.

Несколько неловкостей выписаны мною на отдельном листке, вложенном в книгу.

<...> Жму руку. А. Пешков (17 ноября 1919, дата поставлена рукой К. Чуковского) [Чуковский, 2011, т. 1, с. 539].

Такое неудержимое рвение М. Горького к работе вызывало у К. Чуковского, который и сам обладал этим качеством, одновременно восторг и сочувствие, что нашло отражение и на страницах дневника («У Горького в двух комнатах заседания – и он ходит из комнаты в комнату, словно шахматист, играющий одновременно несколько партий» [Там же, с. 289]), и в «Современниках» («Часто бывало так, что до заседания „Всемирной“ мы заседали с ним в качестве „Правления Союза художественных деятелей“ или в качестве „Секции исторических картин“, а после, не сходя с места, превращались (за тем же столом) в „Высший совет Дома искусств“... <...> При такой нечеловеческой нагрузке он за все эти три года ни разу не дал себе отдыха» [Чуковский, 2012, с. 55–56.]).

Очевидно, что при работе над литературным портретом М. Горького К. Чуковский неодно-

кратно обращался к своим дневниковым записям. Это также подтверждают более поздние приписки и комментарии на полях. Например, после вечера памяти Леонида Андреева, который прошел не самым лучшим образом, К. Чуковский переносит свои мысли и переживания на страницы дневника. Будучи переполнен эмоциями, К. Чуковский не только винит М. Горького в провале вечера, но и в сердцах заявляет о его бесталанности, элементарности его творчества. Спустя много лет, перечитав запись, К. И. Чуковский делает пометку на полях: «Какая глупость. 1953» [Чуковский, 2011, т. 1, с. 264].

Ко второму типу относится литературный портрет Александра Блока. В. С. Барахов отмечает, что иногда центр тяжести в литературном портрете «может перемещаться с живой природы человека на его биографию или творческую деятельность» [Барахов, с. 32–33]. Так, К. И. Чуковский в некоторых своих литературных портретах опирается не только на дневниковые записи, но и на свои критические работы. Начиная литературный портрет с обращения к творчеству А. Блока³, К. Чуковский объясняет, чем это обусловлено:

Всякий раз, когда я перелистываю его стихотворные сборники, у меня возникает множество мелких, стариковских, никому, должно быть, не нужных, бытовых воспоминаний о нем [Чуковский, 2012, с. 152].

Например, для К. Чуковского строки из известного стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» были связаны с абсолютно конкретной аптекой на Офицерской улице, а пейзаж в «Незнакомке» отчетливо соотносился с дачной местностью под Петербургом. Свои ностальгические воспоминания К. Чуковский продолжает рассуждениями на тему звукописи А. Блока, а также описанием трагического и надрывного, что чувствуется в творчестве поэта. Только после этого К. Чуковский обращается к своему дневнику, где А. Блоку, с которым литератор в период совместной работы во «Всемир-

³ В 1922 году К. Чуковский выпустил «Книгу о Блоке», которая впоследствии неоднократно переиздавалась под заголовком «Александр Блок как человек и поэт». Мать А. Блока А. А. Кублицкая-Пиотгух делилась в письме к К. И. Чуковскому своими впечатлениями: «...в книге Вашей, по-моему, много ценного и хорошего: о Двенадцати, о ветре, о Душе, о Серафиме, об „отъединенности“. Все эти определения притом исключительно Ваши. Ни у кого я еще этого не встречала, не говоря уже об общей яркости, живости, талантливости, сопровождающих всякое Ваше печатное и словесное выступление (простите, что так прямо выражаюсь)» [Блок в архиве Чуковского, с. 319].

ной литературе» очень сблизился, посвящено много записей. После заседания, из череды которых на тот момент состояли будни К. Чуковского, литератор оставляет в дневнике, как он сам замечает, важную для понимания А. Блока запись:

Блок взялся проредактировать Лермонтова – и, конечно, его работа прекрасна. Очень хорошо подобраны стихи – но статья⁴ написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, а в обычном блоковском, с напрасными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей. Для Блока Лермонтов – маг, тайновидец, сновидец, богоборец; для Горького это «культурная сила», «двигатель прогресса», здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока – трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: «дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал „На смерть Пушкина“», тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока [Чуковский, 2011, т. 1, с. 292].

Эту историю К. Чуковский, правда, менее эмоционально опишет и в портрете-очерке, где добавит, что А. Блок, и без того тяготившийся бесконечными собраниями и заседаниями, после этого случая начнет постепенно отчуждаться: «Он отстранился от всякого участия в нашей работе, только заседал и молчал» [Чуковский, 2012, с. 187].

К третьему типу относится литературный портрет Владимира Маяковского, который К. Чуковский заканчивает следующими словами:

О дальнейших своих встречах с Маяковским я расскажу, если разыщутся потерянные мною дневники, где я записывал под свежим впечатлением каждую, даже самую мимолетную встречу с замечательными людьми той эпохи [Чуковский, 1963, с. 511].

В последующих переизданиях «Современников» к этим словам добавилась приписка:

Дневники мои так и не нашлись. Поэтому о многом я не могу говорить с достоверностью и предпочитаю молчать, не полагаясь на стареющую память [Чуковский, 2012, с. 250].

Действительно, на некоторое время К. И. Чуковский терял тетради, в которых вел свой дневник, что нашло отражение в записи от 27 мая 1957 года:

В жизни моей было много событий, но я не записывал их в эту тетрадь. После того, как пропали де-

сятки моих дневников, я потерял вкус к этому занятию [Чуковский, 2011, т. 3, с. 232].

Впоследствии дневники были обнаружены, но в книгу «Современники» вошел портрет-очерк о В. Маяковском, основанный исключительно на воспоминаниях К. Чуковского.

Таким образом, между дневником К. И. Чуковского, в структуре которого обнаруживаются эскизы к литературным портретам коллег, знакомых и товарищей писателя, и мемуарно-художественной книгой «Современники. Портреты и этюды» прослеживается очевидная связь. Дневниковые записи писателя, которые он вел в течение многих лет, в большей или меньшей степени находят выражение во всех портретных очерках «Современников».

Список литературы

Барахов В. С. Литературный портрет. Л.: Наука, 1985. 312 с.

Блок в архиве Чуковского / публ. и примеч. Чуковской Е. Ц. // Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М., 1987. С. 307–321.

Мандельштам О. Жак родился и умер // Собрание сочинений в трех томах под ред. профессора Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Том третий. Очерки, письма. Нью-Йорк: изд-во «Международное литературное содружество», 1969. С. 57–60.

Уртминцева М. Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 232 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.

Чуковский К. Современники. Портреты и этюды («Жизнь замечательных людей». Серия биографий). М.: Молодая гвардия, 1963. 704 с.

Чуковский К. И. Дневник: В 3 т. Т. 1: 1901–1921 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. М.: ПРОЗАиК, 2011. 592 с.

Чуковский К. И. Дневник: В 3 т. Т. 3: 1936–1969 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: ПРОЗАиК, 2011. 640 с.

Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5: Современники; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М. Агентство ФТМ, Лтд., 2012. 480 с.

References

Barahov, V.S. (1985). *Literaturny portret* [Literary Portrait]. 312 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Blok v archive Chukovskogo [Blok in Chukovsky's Archive]. (1987). Publ. i primech. Chukovskoy E.C. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 92, kn. 4, pp. 307–321. Moscow. (In Russian)

⁴ Каждое издание «Всемирной литературы» должна была предварять вступительная статья.

Chukovsky, K. (1963) *Sovremenniki. Portrety i ehtyudy* [Contemporaries. Portraits and Etudes]. 704 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)

Chukovsky, K.I. (2011) *Dnevnik: V 3 t. T. 1: 1901–1921* [Diary: in 3 volumes. Vol. 1: 1901–1921]. Sost., podgot. text, comment. E. Chukovskoy; predisl. V. Kaverina. 592 p. Moscow, PROSAiK. (In Russian)

Chukovsky, K.I. (2011) *Dnevnik: V 3 t. T. 3: 1936–1969* [Diary: in 3 volumes. Vol. 3: 1936–1969]. Sost., podgot. text, comment. E. Chukovskoy. 640 p. Moscow, PROSAiK. (In Russian)

Chukovsky, K.I. (2012) *Sobranie sochineniy: V 15 t. T. 5.: Sovremenniki* [Complete Works: in 15 volumes. Vol. 5: Contemporaries]. Sost., comment. E. Chukovskoy. 2 izd., elektronnoe, ispr. 480 p. Moscow, Agenstvo FTM Ltd. (In Russian)

Mandelstam, O. (1969) *Zhak rodilsya i umer.* [Jacques was Born and Died]. *Sobranie sochineniy v trekh tomah* pod red. professora G.P. Struve i B.A. Filipova. Tom tretiy, pp. 57–60. New York, Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo. (In Russian)

Urtminceva, M.G. (2005) *Literaturnyj portret v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka. Genezis, poehtika, zhanr* [The Literary Portrait in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century. Genesis, Poetics, Genre]. 232 p. Nizhny Novgorod, Izdatelstvo NNGU. (In Russian)

Ushakov, D.N. (2013) *Tolkovy slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. 800 p. Moscow, Adelant. (In Russian)

The article was submitted on 06.07.2016
Поступила в редакцию 06.07.2016

Кубайдулова Айсулу Юрьевна,
аспирант,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
aysulukubaydulova@gmail.com

Kubaydulova Aysulu Yurievna,
graduate student,
Samara National
Research University
named after S. P. Korolev,
34 Moskovskoye Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
aysulukubaydulova@gmail.com